

169	0144-01	БОРИС ЧИЧИБАБИН	"У доброго огня"	Часть 1 "Женщина и мужчина"
170	0144-02	БОРИС ЧИЧИБАБИН	"У доброго огня"	Часть 2 "Твой свет"
171	0144-03	БОРИС ЧИЧИБАБИН	"У доброго огня"	Часть 3 "Грешная грусть"

"У доброго огня" (Коренблит – Чичибабин)

Часть 3 "Грешная грусть"

1(43). Спасибо всем	– 3.47
2(44). Белизна снега	– 2.07
3(45). Вера в реинкорнацию	– 3.48
4(46). Пусть	– 1.59
5(47). Спешу сказать	– 1.39
6(48). Безумный век	– 2.28
7(49). Неземная грусть	– 1.50
8(50). Грешная грусть	– 2.54
9(51). Сияние снегов	– 2.32
10(52). Подводя итоги	– 1.58
11(53). Рождество	– 3.48
12(54). Московская ода	– 4.50
13(55). Тоска напала	– 3.00
14(56). Спасительная свобода	– 1.34
15(57). Другьям	– 2.32
16(58). Вина	– 0.58
17(59). Тайна рождения	– 1.54
18(60). Избравшие печаль	– 2.31
19(61). Ничего не поделаешь	– 3.50
<i>Общее время звучания – 49.59</i>	
<i>Общее время звучания – 2.22.01</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 3 "Грешная грусть"

1. СПАСИБО ВСЕМ

Пришли, пришли пропойцы – кемари,
не отчурались, черти недосыпа!
На грядках дней пропольщики мои,
какое вам небесное спасибо!

Кто как сумел у чарочки присел, -
пой вас Бог, друзья – жизнепродувцы!
Пока далек положенный предел,
лета летят, а ниточки прядутся.

Спасибо всем, кто в этот час со мной,
кого я смог, кого не смог собрать я!
Ох, как я полон жизнью земной!
В ней нет чужих, все – сестры лишь да братья.

Чем тоньше нить, тем тише и светлей
в душе моей, и вся она – любовь к вам.
Ишь, летом вишен падает с ветвей,
а места нет счетам и недомолвкам.

Спасибо, жизнь, за то, что прожита,
за этот свет, что вы зовете «старость»!

Смотрю в себя: где горечь, где вражда?
И следу нет. Одна любовь осталась.

Ишь, воробьишки прыгают у ног, -
на свете роль нисколько не мала их.
Моя ж душа – воробышек и бог,
и дуб в лесу, и Будда в Гималаях.

Мне в жизни сей хватало на харчи,
а по лихве печалиться не стану.
Простите все, кого я огорчил,
с кем в ссоре был, кого обидел спьяну.

Простите все, кого я не узнал, -
не из гордыни или басурманства.
Моя ж родня наполовину с нар,
да я и сам оттолева сорвался.

Окажем честь зеленому вину,
его еще останется на случай.
Прости мой долг, прости мою вину,
мой лучший брат за проволкой колючей.

За тыщу верст – пустили бы – пешком
прибрел к тебе копытами босыми.
Прости меня, барашек с петушком,
чью кровь опять прольют в Эчмиадзине.

Простите все. Мне высь моя к лицу.
С нее теперь ни на вершок не сниду.
Какое счастье – к отчему крыльцу
нести в себе вину, а не обиду.

Спасибо всем, случайным, как и я.
Я вас люблю светло и покаянно.
Как хорошо вернуться в океан
искавшей смысла капле океана.

Я высший дар несу не расплескав,
хоть и кажусь иному дурачиной.
Мне и теперь любая боль близка,
но все небесней свет неомрачимый.

2. БЕЛИЗНА СНЕГА

Смеженный свет солоноватых век...
Земля в снегу, мы в середине круга.
Пусть он лежит – скажи ему, подруга, -
я не хочу, чтоб таял белый снег.

На темный мир, исполненный бесстыдства,
пролился свет в покое полусна.
О, как он юн! О, как ему блеснится!
От всех болезней лечит белизна.

В такие дни нельзя, чтоб злом на зло мы.
 Во весь простор по взмаху милых рук
 плывут из вьюг рождественские звоны,
 святят печаль и размыкают круг.

Присесть к столу, прогреться бы не худо,
 земную стужу стаивая с век,
 но не хочу, чтоб так кончалось чудо,
 нельзя никак, чтоб таял белый снег.

Затем нельзя, что в замяти рассвета,
 когда крещусь в купели снеговой,
 душа моя пред вечностью раздета
 и с нами снег – и больше никого.

3. ВЕРА В РЕИНКОРНАЦИЮ

В лесу соловьином, где сон травяной,
 где доброе утро нам кто-то пропиныкал,
 счастливые нашей небесной виной,
 мы бродим сегодня вчерашней тропинкой.

Доверившись чуду и слов лишены
 и вслушавшись сердцем в древесные думы,
 две темные нити в шитье тишины,
 светлеем и тихнем, свиваясь в одну, мы.

Без крова, без комнат венчальный наш дом,
 и нет нас печальней, и нет нас блаженней.
 Мы были когда-то и будем потом,
 пока не искупим земных прегрешений...

Присутствием близких в любви стеснена,
 но пальцев ласкающих не разжимая,
 ты помнишь, какая была тишина,
 молитвосклоненная и кружевная?

Нас высь одарила сорочьим пером,
 а мир был и зелен, и синь, и оранжев.
 Давай же, - я думал, - скорее умрем,
 чтоб встретиться снова как можно пораньше.

Умрем поскорей, чтоб родиться опять
 и с первой зарей ухватиться за руки
 и в кружеве утра друг друга обнять
 в той жизни, где нет ни вины, ни разлуки.

4. ЗА ВСЕХ

Пока хоть один безутешен влюбленный, -
 не знать до седин мне любви разделенной.

Пока не на всех заготовлен уют, -
 пусть ветер и снег мне уснуть не дают.

И голод пока смотрит в хаты недобро, -
 пусть будут бока мои – кожа да ребра.

Покуда я молод, пока я в долгу, -
 другие пусть могут, а я не могу.

Сегодня, сейчас, в грозовой преисподней,
 я горшую часть на спине своей поднял.

До лучших времен в непогоду гоним,
 таким я рожден – и не быть мне иным.

В глазах моих боль, но ни мысли про старость.
 До смерти, любовь, я с тобой не расстанусь.

Чтоб в каждом доме было чудо и смех, -
 пусть мне одному будет худо за всех.

5. СПЕШУ СКАЗАТЬ

Кто – в панике, кто – в ярости,
 а главная беда,
 что были мы товарищи,
 а стали господа.

Ох, господа и дамы!
 Рассыпался наш дом –
 Бог весть теперь куда мы
 несемся и бредем.

Боюсь при свете свечек
 смотреть на образа:
 на лицах человеческих
 звериные глаза.

В сердцах не сохраниться
 братающая высь,
 коль русский с украинцем
 спасаться разошлись.

Но злом налиты чаши
 и смерть уже в крови,
 а все спасенье наше
 в согласье и любви.

Не стану бить поклоны
 ни трону, ни рублю –
 в любимую влюбленный
 все сущее люблю.

Спешу сказать всем людям,
 кто в смуте не оглох,
 что если мы полюбим,

то в нас воскреснет Бог.

Сойдет тогда легко с нас
проклятие времен,
и исцеленный космос
мы в жизнь свою вернем.

Попробуйте – влюбитесь, -
иного не дано, -
и станете как витязь,
кем зло побеждено.

С души спадет дремота,
остепенится прыть.
Нельзя, любя кого-то,
весь мир не полюбить.

6. БЕЗУМНЫЙ ВЕК

Сбылась беда пророческих угроз,
и темный век бредет по бездорожью.
В нем естество склонилось перед ложью
и бранный разум душу перерос.

Явись теперь мудрец или поэт,
им не связать рассыпанные звенья.
Все одиноки - без уединенья.
Всё – гром, и смрад, и суета сует.

Ни доблестных мужей, ни кротких жен,
а вещей смысл тайком и ненароком...
Но жизни шум мешает быть пророком,
и без того я странен и смешон.

Люблю мой крест, мою полунужду
и то, что мне не выбиться из круга,
что пью с чужим, а гневаюсь на друга,
со злом мирюсь, а доброго не жду.

Мне век в лицо швыряет листопад,
а я люблю, не в силах отстраниться,
тех городов гранитные страницы,
что мы с тобой листали наугад.

Люблю молчать и слушать тишину
под звон синиц и скок веселых белок,
стихи травы, стихи березок белых,
что я тебе в час утренний шепну.

Каким святынь коснусь тревожным лбом?
Чем увенчаю влюбчивую старость?
Ни островка в синь-море не осталось,
ни белой тучки в небе голубом...

Безумный век идет ко всем чертям,
а я читаю Диккенса и Твена
и в дни всеобщей дикости и тлена,
смеясь, молюсь мальчишеским мечтам.

7. НЕЗЕМНАЯ ГРУСТЬ

Мне снится грусти неземной
язык безустный,
и я ни капли не больной,
а просто грустный.

Не отстраняясь, не боясь,
не мучась ролью,
тоска вселенская слилась
с душевной болью.

Среди иных забот и дел
на тверди серой
я в должный час переболел
мечтой и верой.

Не созерцатель, не злодей,
не нехристь все же,
я не могу любить людей,
прости мне, Боже!

Припав к незримому плечу
ночами злыми,
ничем на свете не хочу
делиться с ними.

Гордыни нет в моих словах -
какая гордость? -
лишь одиночество и страх,
под ними горблюсь.

Душа с землей свое родство
забыть готова,
затем что нету ничего
на ней святого.

Как мало в жизни светлых дней,
как черных много!
Я не могу любить людей,
распявших Бога.

Да смерть – и та – нейдет им впрок,
лишь мясо в яму, -
кто небо нежное обрек
алчбе и сраму.

Покуда смертию не стер
следы от терний,

мне ближе братьев и сестер
мой лес вечерний.

Есть даже и у дикарей
тоска и память.
Скорей бы, Господи, скорей
в безвольность кануть.

Скорей бы, Господи, скорей
от зла и фальши,
от узнаваний и скорбей
отплыть подальше!..

8. ГРЕШНАЯ ГРУСТЬ

На мой порог зима пришла,
В окошко потное подула.
Я стыну зябко и сутуло,
Грущу – и грусть моя грешна.

И то ли счастье, то ли сон
На мой порог, как снег упали,
И пахнет милыми губами
Мое горящее лицо.

Я жарюсь в чертовых печах.
(Как раз за лириков взялись там!)
Я нищетой до дыр залистан.
О, не читай меня, печаль.

Ты ж, юность, смейся и шали,
С кем хочешь будь, что хочешь делай.
Метелью праздничной и белой
Во мне шумят твои шаги.

Душе и сладко, и темно,
Ей не уйти и не остаться, -
И трубы трепетные счастья
По-птичьи плачут надо мной.

9. СИЯНИЕ СНЕГОВ

Какой зимой завершена
обида темных лет!
Какая в мире тишина!
Какой на свете свет!

Сон мира сладок и глубок,
с лицом, склоненным в снег,
и тот, кто в мире одинок,
в сей миг блаженной всех.

О, стыдно в эти дни роптать,
отчаиваться, клясть,
когда почиет благодать

на чаявших упасть!

В морозной сини белый дым,
деревья и дома, -
благословением святым
прощает нас зима.

За все злое века,
за всю беду и грусть
младенческие облака
сошли с небес на Русь.

В них радость – тернии купать
рождественской звезде.
И я люблю ее опять,
как в детстве и в беде.

Земля простила всех иуд,
и пир любви не скуп,
и в небе ангелы поют,
не разжимая губ.

Их свечи блесками парят,
и я мою зажгу,
чтоб бедный Галич был бы рад
упавшему снежку.

О, сколько в мире мертвецов,
а снег живет нас.
а все ж и нам, в конце концов,
пробьет последний час.

Молюсь небесности земной
за то, что так щедра,
а кто помолится со мной,
те – брат мне и сестра.

И в жизни не было разлук,
и в мире смерти нет,
и серебрет в слове звук,
преображенный в свет.

Приснись вам, люди, снег во сне,
и я вам жизнь отдам –
глубинной вашей белизне,
сияющим снегам.

10. ПОДВОДЯ ИТОГИ

Покарауль наш дом,
а я пройду по свету:
быть может, там найдем,
чего в помине нету.

С подножий до высот
круг замкнут и изломан,
и снова не везет,
как вечно не везло нам.

Не тщась в потоке дней
возобновлять старинку,
мы снова всех бедней
при переходе к рынку.

В ответ на зов еще
треньбренькаю на лире,
но смутно и нищо
в сознании и в мире.

Откуда счастье нам?
ведь мы ж не побирушки,
как бедный Мандельштам
говаривал подружке.

В чаду календаря
с прощеньем и виною,
вернее говоря,
оно у нас иное.

Как верилось душе,
когда я был мальчишкой,
но в гору лезть уже
приходится с одышкой.

Все книги, что люблю,
прочитаны в той рани,
и вечер тороплю
для пива и тарани.

О да, я был в аду
и прожитые годы
фундаментом кладу
для внутренней свободы.

Под тяжестью седин
я чувствую впервые,
что мир сей посетил
в минуты роковые.

Не надо, не туши,
не думай, что не время, -
веселием души
поделимся со всеми.

Уж срок тот недалек,
когда любовь и мудрость,
раздув свой уголек,

воздушно обоймут нас.

11. РОЖДЕСТВО

Да ну и что с того –
в Москве или в Нью-Йорке?
Сегодня Рождество,
и мы с тобой на ёлке.

Вся в звёздах и огнях,
вот-вот взлетит, живая,
счастливых и бедняг
на праздник созывая...

От крови и от слёз
я слышу и не внемлю:
их столько пролилось
в отеческую землю,

Что с душ не ототрёт
уже не рай, ни ад их, -
а нищий патриот
все ищет виноватых.

Вишь, умник да еврей –
губители России,
и алчут их кровей
погромные витии...

Но им наперекор,
сойдя с небес по сходням,
поёт незримый хор
о Рождестве Господнем.

Поёт, дары неся,
с уверенностью детской,
что Тот, кто родился,
сам крови иудейской.

Звучит хрустальный звон
для сбившихся с дороги:
уже родился Он
и мы не одиноки.

Идём со всех концов
с надеждою взглядеться
в безгрешное лицо
вселенского младенца.

Когда земная власть
с неправдой по соседству,
спасение – припасть
к Божественному детству.

Не зная наших уз,
свободный от одёжки,
в нас верует Иисус
и хлопает в ладошки.

Рождественской порой,
как подобает людям,
мы Божьей детворой
хоть трошечки побудем.

Творится явь из сна
и, всматриваясь в лица,
Господняя весна
в нас теплится и длится.

В нас радуется Бог,
что детская пора есть,
от творческих тревог
взрослеть не собираясь.

Нам снова все друзья
и брат горой за братца,
и нам никак нельзя
от ёлки оторваться.

Та хвойная весна,
священствуя и нравясь,
с Руси привезена,
а всей земле на радость.

Клубится пар от вод,
сияет мир от радуг...
А нищий патриот
всё ищет виноватых.

12. МОСКОВСКАЯ ОДА

Ах, Москва ты Москва – золота голова!
Я, расколов твоих темноту раскумекав,
по погубленным храмам твоим горевал
вместе с тысячью прочих жидов и чучмеков.

Мои ночи в сиянье твоих вечеров,
и московский снежок холодит мои веки,
искаженный твой облик целую в чело,
в твое красное с белым влюбляюсь навеки.

Мне святыни твои – как больному бальзам,
но согласия духовного нет между нами, -
поделом тебе срам, что не веришь слезам
и пророков своих побиваешь камнями.

Ты, со злой татарвой не боясь кумовства,
только силой сильна да могуча минутой,

русской вольности веси, ворюга, Москва,
прибирала к рукам с Калитой да с Малютой.

Ты на празднества лжи созывала детей,
оглашая полсвета малиновым звоном,
но в пределах твоих, но по воле твоей
с целым миром досель непривычно родство нам.

Отлетевший твой дух долго жить приказал,
да не хочется жить, как посмотришь на лица, -
у Василия Блаженного нет прихожан,
а в церкви на крови и негоже молиться...

Не один изувеченной вечности клад
ты хранишь, зажигая огни городские,
и тебе все равно, что твой брат Петроград
быть давно перестал тем, что был у России.

Ты родне деревенской в куске отказав,
шлешь проклятья и кары зывающим музам,
но тебе все равно, что Рязань и Казань
спозаранку твоим обжираемы пюзом...

Свои лучшие думы я выстрадал здесь,
здесь я дружбу обрел, сочинитель элегий,
но противна душе чернорусская спесь,
и не терпит душа никаких привилегий.

Я полжизни отдам за московские дни,
хоть вовек не сочту, сколько было их кряду, -
но у красной стены чутко спят кистени
и скучают во сне по Охотному ряду.

Стыдно в ступе толочь мутны воды пестом,
стыдно новой порой да за старую песню ж, -
образумься, родная, трудом да постом,
и, пока не покаешься, да не воскреснешь.

13. ТОСКА НАПАЛА

На меня тоска напала.
Мне теперь никто не пара,
не делю ни с кем вины.

Землю русскую целую,
знаю, что не доживу я
до святой ее весны.

Изошла из мира милость,
вечность временем затмилась,
исчерствел духовный хлеб.

Все погромней, все пещерней
время крови, время черни.

Брезжит свет – да кто не слеп?

Залечу ль рассудка раны:
почему чужие страны
нашей собственной добрей?

У меня тоска по людям.
Как мы истину полюбим,
если нет поводырей?

Не дослушаться ночами
слова, бывшего в начале,
из пустыни снеговой.

Безработица у эха:
этот умер, тот уехал –
не осталось никого.

Но с мальчишеского Крыма
не бывала так любима
растуманенная Русь.

Я смотрю, как жаждет жатва,
в задержавшееся завтра,
хоть его и не дождусь.

Что в Японии, что в Штатах –
на хрена мне их достаток, -
здесь я был и горю рад.

«Милый, где твоя котомка?» -
вопрошаю у котенка,
у ромашки, у ежа.

Были проводы недлинны,
спьяну каждому в их спины
все шептал: «Не уезжай...»

А и я сей день готовил,
зрак вперял во мрак утопий,
шел живой сквозь лютый ад.

Ухожу, не кончив спора.
Для меня настанет скоро
время Божьего суда.

Хватит всем у неба солнца,
но лишь тот из них спасется,
кто воротится сюда.

14. СПАСИТЕЛЬНАЯ СВОБОДА

Изверясь в разуме и в быте,
осмеян дельными людьми,

я выстроил себе обитель
из созерцанья и любви.

Не где-нибудь, а здесь вот, здесь вот,
порою сам того стыдясь,
никак не выберусь из детства,
не постарею отрадясь.

Лечу в зеленые заречья,
где о веселье пели сны,
где так черны все наши речи
перед безмолвьем белизны.

Стою, как чарка, на пороге,
и вечность – пролеском у ног.
Друг, обопришь на эти строки,
не смертен будь, не одинок...

Гремят погибельные годы,
ветшает судебная нить...
Моей спасительной свободы
никто не хочет разделить.

15. ДРУЗЬЯМ

Благодарствую, други мои,
за правдивые лица.
Пусть, светла от взаимной любви,
наша подлинность длится.

Будьте вечно такие, как есть, -
не борцы, не пророки,
просто люди, за совесть и честь
отсидевшие сроки....

Одного я всем сердцем боюсь,
как пугаются дети,
что одно скажет правнукам Русь:
как не надо на свете.

Видно, вправду такие чай,
уголовное время,
что все близкие люди мои –
поголовно евреи...

За молчанье разрозненных дней,
за жестокие версты
обнимите меня посильней,
мои братья и сестры.

Но и все же не дай вам Господь
уезжать из России.
Нам и надо лишь соли щепоть
на хлеба городские.

Нам и надо лишь судеб родство,
понимание взгляда.
А для бранных телес ничего
нам вовеки не надо.

Вместе будет нам в худшие дни
не темно и не тяжко.
Вы одни мне заместо родни,
павлопольская бражка.

Как бы ни были встречи тихи,
скоротечны мгновенья,
я еще напишу вам стихи
о святом нетерпеньи.

Я еще позову вас в бои,
только были бы вместе.
Благодарствую, други мои,
за приверженность чести.

Нашей жажде все чаши малы,
все, что есть, вроде чуши.
Благодарствую, други мои,
за правдивые души.

16. ВИНА

Спокойно днюет и ночует,
кто за собой вины не чует:
он свой своим в своем дому
и не в чем каяться ему.

Он в хоровом негодованье
отверг и мысль о покаянье.
А я и в множестве один,
на мне одном сто тысяч вин.

На мне лежит со дня рожденья
проклятье богоотпадения,
и что такое русский бунт,
и сколько стоит лиха фунт.

И тучи кровью моросили, -
когда погибло пол-России
в братоубийственной войне, -
и эта кровь всегда на мне.

17. ТАЙНА РОЖДЕНИЯ

Куда мне бежать от бурлацких замашек?
Звенят небеса высоко.
На свете совсем не осталось ромашек
и синих, как сон, васильков.

Отдай мою землю с дождем и рябиной,
верни мне березы в снегу.
Я в желтые рощи ушел бы с любимой,
да много пройти не смогу.

Лишь воздух полуночи мой собеседник.
Сорняк не во сне ли возник?
Там серый песок, там чабрец и бессмертник,
там дикие звезды гвоздик.

Бросается в берег русалочья брага.
Там солнышком воздух согрет.
И сердце не вспомнит ни худа, ни блага,
Ни школьных, ни лагерных лет.

И Вечность вовек не взойдет семицветьем
в загробной безрадостной мгле.
И я не рожден в девятьсот двадцать третьем,
а вечно живу на земле.

Я выменял память о дате и годе
на звон в поднебесной листве.
Не дяди и тети, а Данте и Гете
со мной в непробудном родстве.

18. ИЗБРАВШИЕ ПЕЧАЛЬ

Между печалью и ничем
мы выбрали печаль.
и спросит кто-нибудь «зачем?»,
а кто-то скажет «жаль».

И то ли чернь, а то ли знать,
смеясь, махнет рукой.
а нам не время объяснять
и думать про покой.

Нас в мире горсть на сотни лет,
на тысячу земель,
и в нас не меркнет горний свет,
не сякнет Божий хмель.

Нам – как дышать, - приняв печать
гонений и разлук, -
огнем на искру отвечать
и музыкой – на звук.

И обреченностью кресту,
и горечью питья
мы искупаем суету
и грубость бытия.

Мы оставляем души здесь,
чтоб некогда Господь

простил нам творческую спесь
и ропщущую плоть.

И нам идти, идти, идти,
пока стучат сердца,
и знать, что нету у пути
ни меры, ни конца.

Когда к нам ангелы прильнут,
лаская тишиной,
мы лишь на несколько минут
забудемся душой.

И снова – за листы поэм,
за кисти, за рояль, -
между печалью и ничем
избравшие печаль.

19. НИЧЕГО НЕ ПОДЕЛАЕШЬ

Я почувал беду и проснулся от горя и смуты,
и заплакал о тех, перед кем в неизвестном долгу, -
и не знаю, как быть, и как годы проходят минуты...
Ах, родные, родные, ну чем я вам всем помогу?

Хоть бы чуда занять у певучих и влюбчивых клавиш,
но не помнит уроков дурная моя голова,
а слова – мы ж не дети, - словами беды не убавишь,
больше тысячи лет, как не Бог нам диктует слова.

О как мучает мозг бытия неразумного скрежет,
как смертельно сосет пустота вседержавных высот.
Век растленен и зол. И ничто на земле не утешит.
Бог не дрогнет на зов. И ничто в небесах не спасет.

И меня обижали – безвинно, взхлеб, не однажды,
и в моем черепке всем скорбям чернота возжена,
но давно вместо счастья мученье таинственной жажды,
и прозренье берез, и склоненных небес тишина.

И спасибо животным, деревьям, цветам и колосьям,
и смиренному Баху, чтоб нам через тернии за ним, -
и прощенье врагам, не затем, чтобы сладко спалось им,
а чтоб стать хоть на миг нам свободней и легче самим.

Еще могут сто раз на позор и на ужас обречь нас,
но, чтоб крохотный светик в потемках сердец не потух,
нам дает свой венок – ничего не поделаешь – Вечность
и все дальше ведет – ничего не поделаешь – Дух.